

ГЕОРГИЙ КОНИССКИЙ О ХРАМЕ И МОЛИТВЕ (ОБРАЗ – СИМВОЛ – ИДЕЯ)

Среди многочисленных достоинств архиепископа Могилевского и Белорусского Георгия Конисского (1717–1795) одно из первейших мест занимала неукротимая энергия создателя и строителя. За свое сорокалетнее епископское служение на Белорусской кафедре (1755 – 1795) Георгий сумел организовать и успешно завершить строительство многочисленных сооружений. Среди них было немало и храмов, в частности, величественный кафедральный собор в г. Могилеве в честь Преображения Спасителя, церкви в с. Нейдоке Рогачевского уезда, в м. Дубровно, в д.д. Герасименки и Селичи близ Черикова [См. 1, с. 396–401].

В пригороде Могилева Печерске, издревле входившем во владения православных архиереев, Георгием была построена деревянная церковь в честь его небесного покровителя Георгия Победоносца. Этот храм, как впрочем и иные, не сохранился до нашего времени, однако своеобразным воспоминанием о нем служит художественное произведение, относящееся к жанру ораторской прозы в наследии Конисского – “Слово на освящение храма в Печерске”, датированное 1788 годом.

Слову, по обыкновению Георгия, предпосылается эпиграф, фраза из евангельского чтения, философический смысл которой поэтапно, логически выверенно автор раскрывает перед слушателями. В данном случае эпиграф буквально отвечает теме произведения: “Храм мой, храм молитвы наречется” [Матф. 21, 13]. Освящая новое церковное сооружение, в Слове Георгий стремится сообщить собравшимся на торжество глубокомысленное представление о храме как о вместилище особенного духа, Божественного начала, неземной благодати.

Одним из традиционных для ораторской прозы Георгия Конисского приемов является построение светлых образов

и осмысление ярких сюжетов Нового Завета на "темном" фоне Завета Ветхого. Начальная часть проповеди зачастую выступает у Конисского, как и в самой архитектонике текстов Священного Писания, источником правозвестия истины, предшествованием правды и глубокого откровения. Так и в данном Слове Георгий заводит речь как бы издали: он сначала вспоминает древний Иерусалимский храм, который некогда был единственным храмом. Именно к нему стекались все иудеи "с жертвами и молениями" (что собственно совершается и донныне). Как историк, Конисский находит в этой исторической реалии очевидный прагматический смысл сохранения единства древнего государства и народа, опыт "политической предосторожности, дабы сим образом все пределы царства Иерусалимского в Иерусалим и его храм, как в средоточии своем, связаны были" [2, с. 298]. Но как христианин и богослов, он стремится прозревать иные приметы, высшую целесообразность существования храма, согласно которой, по мысли Георгия, "единица храма Иерусалимского определена была заповедию Божию... для того, что истинная жертва, жертвами ветхозаветными прообразованная, Спаситель наш Иисус Христос имел принести за грехи наша не где инде, токмо во Иерусалиме" [Там же]. И этот смысл для Конисского является наипервейшим, поскольку знаменует смену Ветхого – Новым и "тени" – "светом".

Рассматриваемая смена выступает в образе некоего прорыва истины из тесного круга Иудеи по всей земле, когда "образы жертв ветхозаветных пред пришедшую истинною исчезли и Евангелие, перешед пределы царства Иудейского, во весь мир распространилось" [Там же]. При этом Георгий подтверждает свою мысль обращения к высказываниям самого Мессии, цитирует из 4 главы евангельского повествования от Иоанна, где Иисус говорит о неведимости природы общения с Творцом, о молитве ни на горе "Гаризимской в Самарии", ни "в Иерусалиме", но в духе человека. Так Георгий выводит две очень важные для собравшихся на освящении Печерского храма истины: первая о том, что молитва и жертва теперь вовсе не привязаны к месту, отчего "в христианстве везде, и по городам и по селам, храмы молитвенные создаются"; а вторая, более важная, о том, что и без храма, на любом месте и в любое время молитва христианина не менее значима и важна. Георгий подчеркивает, что обращение к Богу и в храме, "соборно", и в доме или на поле, "уединенно", равно выполняют роль "жертвы благоухания", равно "приятны суть Богу" [2, с. 299].

Основную часть Слова Георгий строит из двух взаимодополняющих повествований: о молитве уединенной и о соборной. Говоря об уединенной молитве, проповедник создает на первый взгляд причудливый образ молящегося, обращение которого к Творцу должно быть сокрыто не только от посторонних людей, но и от него самого. Раскрывая смысл этого образа, Конисский сравнивает "заключенные двери" дома, в котором уединяется человек, с его земными чувствами, мыслями и заботами, привязанными к вещественному, к земле, отягощенными собственной предметностью, которые также должны быть "заключены".

Так Конисский, с одной стороны, подводит слушателей посредством предметных образов-символов к пониманию на житейском, притчевом уровне сложных теософских дефиниций идеи Божественного, трансцендентного, проявляющегося в видимом, но определяемого не через видимое, а, напротив, через принципиальное противопоставление ему. В этом заключается порыв мысли оторваться от земного и устремиться за грани изменчивого бытия, когда, по выражению Георгия, "очи в молитве ничего не видели бы, кроме Бога, уши, оглохнувши ко всему, внимали бы единственно глаголенному, мысль занята бы была одним Богом и жертвоприношением и сказала бы печенящим житейским то, что Авраам сказал рабом своим, восходящи на гору пожрети сына своего: сидите вы зде под горою, то есть, земле прихилившиеся, дондеже аз со Исааком помолюся Господеви [Быт. 22,5]" [2, с. 299].

С другой стороны, Конисский-проповедник создает образ совершенно необычного храма, которым является сам новый человек-христианин. Не стены, не камни, а человеческое тело в его Слове становится вместительством духа,

света. Этим Георгий как талантливейший и опытнейший оратор и просветитель подводит собравшихся на торжество в Печерске людей к философской мысли о том, что главное совершаемое ими дело заключается не только и не столько в сооружении и освящении стен строения, сколько в созидании внутреннего храма собственной души, в котором должна звучать гармония, в усиленном стяжении благодати. Не случайно в канву размышлений об уединенной молитве Конисский вплетает образ ветхозаветного Иакова, боровшегося с Ангелом за благословение.

Высокая значимость уединенной молитвы подтверждается Георгием через примеры из жизни Спасителя, показавшего христианам образцы сосредоточенного моления и на Фаворе, и в Гефсимании; через столпнический опыт "отшельников пустынных" первых веков христианства, становившихся на молитву с вечера и заканчивавших ее только утром. Обращаясь непосредственно к собравшимся, Георгий эмоционально риторически восклицает: "Из сего единого убогаго моего теоретического больше, нежели практического, описания молитвы кто не заключит, а практикою вкусивши, кто не возопиет, что молитва таковая есть то курение, паче целого ливана, паче всех аромат и балсамов Иерихонских, приятнейшее Господеви..." [2, с. 299]. Так промежуточный аккорд речи становится молитвенное обращение к Богу с прошением ощутить в жизни подлинный "вкус" описанной молитвы.

Вторая часть основного содержания произведения посвящена тому, что происходит непосредственно в храме – молитве соборной. Возвеличивая значение уединенного бдения, Георгий вовсе не умаляет совместного молитвенного опыта, более того, он подчеркивает, что только в соборной молитве следует искать подлинного Христа. "Где союз любви теснейший, – восклицает Георгий, – как не в соборе молитвенном, в коем высококордный и хутородный, и властелин и подданный, и богатый и убогий одну молитву и как бы одними устами и сердцем произносят, глаголя: *Отче наш, а не мой, хлеб наш насущный даждь нам, а не мне одному, днесь, остави нам, а не мне, долги наша...*" [2, с. 300].

Обосновывая значимость соборной молитвы, Георгий снова обращается и к примерам из жизни Христа, не отвергнувшего древних сретенских традиций жертвоприношения в храме, и к опыту последователей Спасителя, апостолов, входивших в святилища и совершавших там именем Иисуса многочисленные чудеса, предворивших традиции литургического действия – главной соборной службы Церкви. Именно на Литургии, по словам Георгия, наиболее полно совершается образно-символическое воссоздание всего жизненного пути Христа. Здесь Конисский кратко, но четко напоминает слушателям об идейном содержании малого и великого входа на Литургии, чтения Апостола и Евангелия, и, наконец, самого Таинства Евхаристии. "Не знаю, – заключает Георгий, – каков язык может язычить величество благоутробия Божия при молитве сей соборной, когда ямы (едим – С.С.) Тело Христово и пием Кровь Его Божественную и сим образом в один состав с Ним соединяемся, Он в нас живет, а мы в Нем, Он розга виноградная, а мы ветви на Нем..." [2, с. 301].

Подтверждение своим словам Конисский находит и в фигуре святого великомученика Георгия, некогда чудесным образом "восставившего и обновившего" храм над местом захоронения своих останков, в честь которого совершается торжество в Печерске. Поддержав прихожан в понимании истинной природы молитвенного бдения, уединенного и соборного, которые взаимодополняют друг друга, помогают человеку подниматься от земли к небу, от тварного праха к Богу, Георгий пророчески простовато и одновременно величественно говорит своей пастве: "И в сей убо храм, во имя сего Великомученика обновленный, все люящи Бога и Его Исповедника, не оставляя и уединенныя вашея молитвы, приходите часто, несите в храм сей, вместо злата, веру, яко злато в горнице очищенну, вместо смиренны – умерщвление страстей... вместо ливана – святых ваших дел благоухание Богу". Архиепископ убежден, что только такими приношениями "Сам Бог... и Угодник Его Великомученик будут предовольны" [2, с. 303].

Таким образом, проповедь, сказанная Конисским при освещении небольшого храма в пригороде Могилева, является собой глубокомысленное богословское рассуждение, оформленное в доступную художественную форму с использованием принципов библейской символики и притчевости, дополняемых живой эмоциональностью. Для Георгия любое событие в жизни его епархии, Церкви в целом выступало поводом к «научению благочестивого сословия белорусского» высоким истинам христианства. Повторяя за апостолом изречение «горе, горе мне, аще не благовестую», Конисский неустанно осуществлял дело непосредственного просветительства. «Слово на освящение храма в Печерске» является лишь маленькой частью обширнейшего проповеднического наследия белорусского архиепископа. Тем не менее и в этом Слове «по поводу» мощно прорывается его ораторский талант, выраженное художественное дарование и философская глубина мышления.

Литература:

1. Буглаков Михаил. Преосвященный Георгий Конисский, Архиепископ Могилевский. – Мн.: Виноград, 2000. – 656 с.
2. Слова и речи Георгия Конисскаго, Архиепископа Могилевскаго. – Могилев-на-Днепре: Скоропечатня и Литография Я.Н. Подземскаго, 1892.